

В последнее время в газетных и журнальных публикациях стал появляться термин «скольты». Так, 6 октября сего года на страницах газеты «Полярная правда» был помещен материал об экспедиции Кольского филиала Академии наук СССР «в местах древних поселений саамов-скольтов», которая собрала «новые материалы о саамах-скольтах». Таким же образом проник в нашу печать этот термин!

Статьи о скольтах, как особом племени в составе саамской народности, первым начал публиковать кандидат географических наук Б. И. Кошечкин. По его словам, местом поселения маленько племени являлся Сонгельский погост в западной Лапландии. Здесь скольты, «дети природы», жили «вдали от проезжих путей, в лесах и болотах бассейна Лотты, в обстановке, близкой к изоляции» («Полярная правда», 1983, № 65). Вследствие «ограниченных контактов с окружающим миром», в «обстановке почти полной изоляции» (журнал «Север», 1983, № 4) сложился «полный своеобразия быт и духовный мир маленького племени».

Во избежание дальнейшего распространения этнонима «скольты» следует сразу сказать: вопреки утверждениям Б. И. Кошечкина, племени скольтов никогда не существовало. Речь может идти только о заимствовании слова, кстати, мало достойного.

В 1870 году норвежский профессор И. Фриис, побывав в местности близ церкви Бориса и Глеба, где находился саамский летний погост Пазрецкий, выпустил книгу о Русской Лапландии, в которой, между прочим, сообщал, что на Паз-реке в свайных постройках живут скольты, все от нечистоплотности плешиевые, совершенно лысые.

В 1887 году московское общество естествоиспытателей, отправляя в Лапландию известного в ту пору ученого Александра Ивановича Кельсиева за материалами для Антропологической выставки, поручило ему проверить сведения Фрииса, вызвавшие недоверие в научной среде.

В донесении Комитету по

Страницы истории

КТО ТАКИЕ СКОЛЬТЫ?

устройству выставки А. И. Кельсиев писал: «22 августа я прибыл, наконец, к последнему русскому лопарскому погосту у церкви Бориса и Глеба, сдав успев захватить там остатки лопарей. Норвежский профессор Фриис, посетивший этот погост с королем, печатал потом, что видел тут безволосых финнов-скольтов, живущих в свайных постройках. И это свидетельство, подобно многим... оказалось несправедливым». Из пятнадцати осмотренных Кельсиевым мужчин лишь у одного были «редкие волосы, и только». Не существовало и свайных жилищ. Виденные Фриисом избушки на «курых ножках» являлись амбарами, которые «все лопари ставят... на четырех (иногда на одном) столбиках — летом от мышей, зимой от зверей и высокого снега». В заключение А. И. Кельсиев поясняет: «Скольты есть название, под которым наши лопари известны в Норвегии». К тому же название пренебрежительно, так уничижительно норвежцы называли вообще всех русских лопарей, а не только сонгельских саамов.

Не соответствует также действительности утверждение Б. И. Кошечкина об «ограниченных контактах с окружающим миром», «почти полной изоляции» сонгельцев, тем более что автор, сам себе противоречит, признает: сонгельцы ежегодно ездили с рыбой в Колу, где находился «несезонный... для саамов торг». Кстати, свидетельства тесных связей русского населения с сонгельскими лопарями вполне достаточно. Сошлись на некоторые.

Таможенные книги Кольского острога фиксируют систематическую явку лопарей с товарами в Колу и торговлю колян «в лопа-

рях». Так, в 1710 году «сонгельские и нотозерские лопари Иван Васильев, Никита Ермилов с товарищи явили своего промысла... 1466 рыб семги... Сонгельский лопарин Филипп Козмин явил... 60 рыб семги» и т. д.

Кольские воеводы также занимались торговлей с лопарями. Отправляя стрельцов по делам службы, они поручали посыльным продавать русские товары. Григорий Бурылев, например, в декабре 1703 года вез на шведский рубеж в Сонгелю, на пяти оленях 100 аршин сукна, свечи, муку «да масла коровья фунтов с тридцать».

Сохранилось в подлиннике Описание Сонгельского погоста, составленное в 1785 году по заданию генерал-губернатора Т. И. Тутолмина кандалакшанином Максимом Голодным. Оно содержит подробные сведения о хозяйстве и быте сонгельцев. «Приехав для промысла в Колу, — говорится в Описании, — ...упромышленную рыбу продают тем же хозяевам, от которых они на промысел ходят... Зимою заготовляют бревна и тес на домовое строение в Колу и делают небольшие карбаски на продажу и промышляют стрельбою из ружей диких оленей, белку, куниц и лисиц... и продают кольским купцам... На шитье мужское и женское употребляют они, кроме оленин (кож), все покупное и покупают в Коле у купцов, а оленины своего произведения».

Интересные сведения даются об одежде, женских украшениях и головных уборах. При этом отмечается «...все оные уборы покупаются в городе Коле, а сами они не делают».

Описание 1785 года составлялось для правительст-

ва в самом селении, при сборе жителей и скреплено клеймами (личными знаками, заменявшими подпись) старосты Сонгельского погоста Осипа Семеновича Гаврилова и его помощника Романа Яковлевича Пьяного. Оно убедительно опровергает версию Б. И. Кошечкина об оторванности сонгельцев от окружающего мира.

Сонгельцы никогда не отгораживались от русского общества, проявляли живой интерес к событиям в мире. Осеню 1883 года поездку по реке Паз совершил русский консул в Норвегии Д. Н. Бухаров. На озере Пейво он встретил женщин саамок, которые, уговаривая заезжего чиновника, спрашивали «о царе, о Петербурге, о том, как живут люди в России... и т. д.». Любознательность саамов отмечают и другие путешественники.

Повествуя о скольтах, Б. И. Кошечкин особое внимание обращает на «легендарную грамоту, выданную Петром I нотозерским и сонгельским саамам на владение туломскими угодьями. В погоне за сенсацией и занимательностью автор изображает дело так, будто грамота Петра I от 30 марта 1697 года неизвестна науке. Ее содержание пересказывается по тексту документа, хранящегося в Государственном архиве Финляндии. Однако Б. И. Кошечкин не может не знать, что грамота эта опубликована полностью в книге Н. Н. Харузина «Русские лопари». Копии грамоты, снятые сто лет назад, имеются в Государственном архиве Архангельской области и в Государственном архиве Мурманской области.

Русские источники не знают термина «скольты». В социалистическом обществе, в условиях братского союза всех народов СССР, не может быть пренебрежительного отношения к какой-либо народности. Оскорбительный этнический термин «скольты» не имеет права на существование в нашей печати.

И. УШАКОВ.
Доктор исторических наук, профессор Мурманского педагогического института.